

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА АБСОЛЮТИЗМА

А. Н. Чистозвонов

Вопрос о причинах возникновения абсолютизма, его классовой сущности, политической природе и историческом месте оживленно дискутировался в 30-х годах — начале 40-х годов в связи с критикой концепции «торгового капитализма» школы М. Н. Покровского и с созданием общего университетского курса по истории средних веков и истории России периода феодализма. Как известно, М. Н. Покровский воспринял концепцию А. А. Богданова о торговом капитализме как своего рода особой формации, соответственно рассматривая и абсолютизм как «государство помещиков и купцов». Таких же взглядов придерживался Н. Н. Розенталь, утверждавший, что при «торговом капитализме» власть, «экономическое и политическое господство принадлежат классу торговых капиталистов». По мнению В. Д. Преображенского, абсолютизм есть «рожденная торговым капитализмом абсолютная монархия», которая «из орудия капиталистического развития рано или поздно должна превратиться в собственную противоположность»¹.

После того как концепция «торгового капитализма» и ряд других ошибочных положений школы М. Н. Покровского были отвергнуты, наметилась тенденция к комплексному исследованию проблемы абсолютизма. Это нашло свое отражение, в частности, в исследовании П. П. Щеголева, исходившего из того, что абсолютизм есть форма политической надстройки периода позднего феодализма и генезиса капитализма, феодальная по своей сути. На этом основании П. П. Щеголев справедливо подчеркивал, что поскольку абсолютизм является органом классового господства дворянства, постольку форма и политика абсолютистского государства в каждой стране в значительной мере определяются социальным обликом господствующего класса феодалов. И именно в этом направлении он искал причины различия между абсолютизмом английским, французским и русским². Такая постановка вопроса была тем более плодотворной, что она предполагала комплексное изучение проблемы абсолютизма, хотя П. П. Щеголев и не развил этот принцип. Вместе с тем, предостерегая историков-марксистов от интерпретации положения К. Маркса и Ф. Энгельса об абсолютизме как форме государства, возникающей в период равновесия сил борющихся классов буржуазии и дворянства, в духе определения абсолютизма как некоего «надклассового суперарбитра», П. П. Щеголев впадал в другую крайность, практически не рассматривая это важное теоретическое положение

¹ М. Н. Покровский. Русская история в самом сжатом очерке. М. 1934, стр. 43—44, 52, 70; Н. Н. Розенталь. Западная Европа в эпоху торгового капитализма. Л. 1927, стр. 3; В. Д. Преображенский. Происхождение современных государств Европы. Ч. II. Абсолютизм. М.-Л. 1930, стр. 87.

² П. П. Щеголев. Учение Маркса о первоначальном накоплении. «Известия» Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 90. М.-Л. 1934, стр. 607, 613—619.

ние основоположников марксизма. За исходный критерий абсолютизма П. П. Щеголев брал схему М. Н. Покровского, характеризовавшую абсолютизм тремя основными признаками: наличие бюрократии, постоянной армии и системы денежных налогов (что в известной мере приложимо и к сословной монархии средневековья). Исходя из этого критерия, П. П. Щеголев доводил хронологическую грань возникновения абсолютизма во Франции до 1439 г.— введения постоянного налога — тальи³.

В конце 30-х — начале 40-х годов, в ходе дискуссий о преодолении концепций школы М. Н. Покровского, при обсуждении проблемы абсолютизма в центре внимания стояли три основных вопроса: 1. Порожден ли абсолютизм усилением антагонизма (соперничества) между развивающейся буржуазией и феодальным дворянством; 2. Является ли социальной базой абсолютизма только феодальное дворянство или оба эти класса (сословия) вместе; 3. Каково соотношение социально-классовой сущности абсолютизма с проводимой им политикой. В ходе дискуссии была в основных чертах создана марксистская концепция абсолютной монархии, отвергнуты научно несостоятельные теории и версии. Дефиниция абсолютизма, определившаяся в те годы, может быть сформулирована так: абсолютизм есть форма политической надстройки времени разложения феодализма и зарождения буржуазных отношений, характеризующегося обострением антагонизма между феодальным дворянством и нарождающейся буржуазией, что позволяет монархической власти достигнуть известной самостоятельности по отношению к обоим борющимся классам.

Вместе с тем в результате дискуссии выявились и в дальнейшем определились две противостоящие друг другу точки зрения. Одна из них изложена в статье и недавно вышедшей монографии Б. Ф. Поршнева, другая — в работах академика С. Д. Сказкина⁴. Обе концепции исходят из марксистского положения о феодальном государстве как политическом органе господствующего класса феодалов, главной функцией которого (наряду с другими) является подавление классового сопротивления основного эксплуатируемого класса средневекового общества — крестьянства. Обе эти точки зрения исходят также из понимания абсолютизма как формы политической надстройки, присущей феодальному обществу на поздней стадии его развития и имеющей те же функции, что и предшествующие формы политической надстройки феодального общества. Расхождение возникает там, где Б. Ф. Поршнев, ссылаясь на положение В. И. Ленина о том, что «классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и в конечном счете решает судьбу всех таких преобразований»⁵, делает вывод, что «угроза крестьянских восстаний потребовала централизации политической власти, и она же, нарастая, заставляла централизацию все более усиливаться и дойти, наконец, до стадии абсолютизма»⁶.

³ Там же, стр. 606—609.

⁴ Б. Ф. Поршнев. Сущность феодального государства. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Т. VII. 1950, № 5; его же. Феодализм и народные массы. М. 1964; С. Д. Сказкин. Маркс и Энгельс о западноевропейском абсолютизме. «Ученые записки» Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина. Т. 3. 1941. Кафедры исторического факультета. Вып. 1; его же. Проблема абсолютизма в Западной Европе (время и условия его возникновения). «Из истории средневековой Европы». Сборник статей. М. 1957.

⁵ В. И. Ленин. ПСС. Т. 9, стр. 333—334. Цитированное общесоциологическое положение В. И. Ленина не имеет в виду именно абсолютизм, как и общесоциологическое положение Ф. Энгельса, гласящее, что «экономическая структура общества каждой данной эпохи образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся надстройка, состоящая из правовых и политических учреждений...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 667).

⁶ Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы, стр. 354; см. также стр. 332, 328—330, 345—347, 350, 352 и др.

С. Д. Сказкин, не отрицая самого факта усиления классовой борьбы крестьянства в период позднего феодализма, главное историческое условие возникновения абсолютистских форм государства видит в этот период в усилении классового антагонизма между нарождающейся буржуазией и феодальным дворянством. Такая точка зрения находит основание в марксистско-ленинской теории происхождения абсолютизма. Она сформулирована, в частности, Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Давая определение государству как органу политического господства эксплуататорских классов над классами эксплуатируемыми, Ф. Энгельс подчеркивал, что «в виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII—XVIII веков, которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга; таков бонапартизм Первой и особенно Второй империи во Франции, который натравливал пролетариат против буржуазии и буржуазию против пролетариата»⁷.

Такова суть точек зрения на абсолютизм, излагаемых Б. Ф. Поршневым и С. Д. Сказкиным. Но это лишь частный аспект расхождений, имеющих в советской историографии по вопросу о характере классовой борьбы в феодальном обществе и месте в ней буржуазии⁸, анализ которых не входит в задачу настоящей статьи. Следует отметить, что концепция С. Д. Сказкина со временем приобретала некоторые дополнительные черты. Если в первой его статье была дана в основном чисто теоретическая, а потому и несколько абстрактная постановка проблемы, то в последующих работах круг рассматриваемых вопросов расширялся и конкретизировался. В частности, для ранних форм абсолютизма стал подчеркиваться не столько антагонизм, сколько соперничество формирующейся буржуазии и дворянства, известная общность их интересов в деле эксплуатации крестьянства и городской бедноты; отмечалось многообразие форм абсолютизма. Обращаясь к этой проблеме в другой связи, С. Д. Сказкин сосредоточивает внимание на том, что в разных странах королевская власть в борьбе с реакционными слоями феодалов опиралась на различные социальные силы⁹. Примерно в том же направлении, с большей исследовательской конкретизацией французский абсолютизм изучался в работах А. Д. Люблинской, В. В. Бирюковича¹⁰ и других историков-медиевистов, внесших существенный вклад в исследование проблемы. Однако простая констатация особенностей абсолютизма в той или иной стране, расширение круга вопросов не решают задачи, а в некоторых случаях эти но-

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 172; см. также т. 4, стр. 306.

⁸ См. Б. Ф. Поршнев. Современный этап марксистско-ленинского учения о роли масс в буржуазных революциях. «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Т. V. 1948, № 6; его же. История средних веков и указание товарища Сталина об «основной черте» феодального общества. Там же. Т. VI. 1949, № 6; его же. Формы и пути крестьянской борьбы против феодальной эксплуатации. Там же. Т. VII. 1950, № 3; его же. Сущность феодального государства. Там же. № 5; его же. Письмо в редакцию. «Вопросы истории», 1953, № 4; его же. Феодализм и народные массы; Е. А. Косминский. О проблеме классовой борьбы в эпоху феодализма. (По поводу статей Б. Ф. Поршнева). «Известия» АН СССР. Серия истории и философии. Т. VIII. 1951, № 3; В. В. Бирюкович. О некоторых вопросах развития феодального общества. «Вопросы истории», 1952, № 2.

⁹ С. Д. Сказкин. Проблема абсолютизма в Западной Европе, стр. 11, 15, 16—18; его же. Абсолютизм. СИЭ. Т. I, стр. 46—47; М. Н. Мейман, С. Д. Сказкин. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства. «Вопросы истории», 1960, № 1, стр. 76.

¹⁰ А. Д. Люблинская. Франция в начале XVII в. (1610—1620). Л. 1959; его же. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.-Л. 1965; В. В. Бирюкович. Французские «финансисты» в политической борьбе. 1622—1624 гг. «Исторические записки». Т. 3. 1933.

вые аспекты воспринимаются как противоречащие основной идее общей концепции, как отступление от нее. Иначе обстоит дело с концепцией, объяснявшей абсолютизм как следствие обострения классовой борьбы крестьянства. Ее абстрактно-социологический характер, частое несоответствие историческим фактам вызывали критические оценки как в отечественной историографии, так и в историографии других социалистических стран¹¹.

Фронт исследований истории абсолютизма оказался суженным и из-за того, что обе формулы воспринимаются как своего рода универсальные, приложимые к любым конкретно-историческим модификациям этой формы политической надстройки. Как следствие, в ряде случаев формулы «абсолютизм есть форма феодального государства, возникающая в период позднего средневековья на почве резкого обострения классового антагонизма между буржуазией и феодальным дворянством», или «абсолютизм есть плод усиления классовой борьбы феодально эксплуатируемого крестьянства» стали толковаться как «обратимые». Когда там или тут обнаруживали абсолютистское государство, делался вывод, что в данной стране уже имелся развитый капиталистический уклад¹² или обязательно доминирующим политическим фактором был резкий рост классовой борьбы феодально эксплуатируемого крестьянства. Стертыми оказались и нижние хронологические границы абсолютизма. Если раньше их относили к середине XV в., то в настоящее время в советской историографии наблюдается тенденция более поздней датировки. Сходные в основных чертах вопросы дебатуются и историками СССР в связи с выяснением причин возникновения и характера абсолютизма в России. Но пока еще и здесь недостает комплексного изучения проблемы абсолютизма. Между тем вряд ли можно отрицать тот факт, что и социально-экономическое и политическое развитие европейских стран чем дальше, тем больше приобретало характер единого общего процесса, хотя и с ярко выраженными особенностями и различиями отдельных стран. Средневековая сумма государств складывалась в систему государств, в которой ведущее место занимали сначала абсолютные монархии, а позднее все большее влияние стали оказывать возникавшие на обломках последних буржуазные государства¹³. В этих условиях даже изучение абсолютизма в страноведческом разрезе требовало учета новых международных явлений. И здесь мы подходим к выяснению того комплекса вопросов, с которым связан анализ генезиса абсолютизма.

Остановимся сначала на национальной, внутренней стороне проблемы. Тщательный анализ высказываний основоположников марксизма-ленинизма об абсолютизме в разных странах, конкретно-исторические материалы показывают, что эти сложные явления нельзя уложить в бытующие у нас схемы. Необходимо уточнить прежде всего, что скрывается за «местными особенностями». Надо проверить, всегда ли к установлению абсолютной монархии приводит только усиление классовой борьбы крестьянства или классового антагонизма (соперничества) между феодальным дворянством и буржуазией, или же на том или ином

¹¹ См. E. Molnar. Les fondements économiques et sociaux de l'absolutisme. «XII Congrès International des Sciences Historiques». Vienne, 29 août — 5 septembre, 1965. Rapport. T. IX, pp. 161—166. Призывая к дифференцированному подходу к проблеме абсолютизма, Э. Мольнар polemизирует с Б. Ф. Поршневым по вопросу о возможности во всех случаях связывать возникновение абсолютизма с усилением крестьянских восстаний, акцентирует внимание на вопросе борьбы между буржуазией и дворянством вокруг структуры бюджета абсолютной монархии и т. п.

¹² См. Е. И. Индова, А. А. Преображенский, Ю. А. Тихонов. Проблема классового расслоения крестьянства периода позднего феодализма в свете трудов В. И. Ленина о развитии капитализма в России. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». Рига. 1963, стр. 15.

¹³ См. «История дипломатии». Т. I. М. 1959, стр. 231 и сл.

историческом этапе временно могут приобрести ускоряющее, первостепенное значение и другие факторы. Следует уточнить, о каком дворянстве и о какой буржуазии идет речь в том или ином конкретном случае — о буржуазии в собственном смысле слова или в широком значении этого термина, под которым в трудах основоположников марксизма часто выступают средневековые горожане. Необходимо учитывать общее направление исторического процесса и вызываемые им изменения международных отношений. Представляется правомерным более четко разграничить разные этапы развития абсолютизма, а особенно тщательно исследовать его генезис. Нельзя упускать из виду и такой момент, как складывание национального централизованного государства и общее направление эволюции форм и учреждений государственной власти в каждой отдельно взятой стране. В соответствии с тем, какие результаты мы получим и какой ответ дадим на поставленные вопросы, мы должны будем уточнить наши понятия об абсолютизме, исторических условиях его возникновения и закономерностях его развития. И, наконец, при решении вопроса о том, что отличает абсолютизм в собственном смысле слова от всех предшествующих форм феодального государства, нужно проводить линию разграничения между самостоятельностью действий любого государства по отношению к отдельным представителям и группам господствующего класса или классов и известной самостоятельностью действий абсолютизма по отношению к борющимся классам, в том числе и к господствующему классу феодального дворянства в целом.

Рассмотрим в краткой форме те исторические факты и теоретические положения марксистско-ленинского учения, которые обосновывают изложенную выше постановку вопросов. Феодальное государство уделяло большое внимание экономическим интересам господствующего класса, и эти проблемы с развитием феодального общества усложнились, требуя все большего внимания государства. Например, широкое развитие товарно-денежного хозяйства по-новому ставило вопрос о сфере компетенции государства в «хозяйственных» проблемах и необходимой для этого его мощи. Уже к XV в. в развитых западноевропейских странах была деформирована прежде стройная ленная система и строгое иерархическое соподчинение различных разрядов ленных держаний сменилось сложным переплетением этих взаимоотношений¹⁴. В ряде случаев такая осложненность была результатом целенаправленных действий самой королевской власти, привязывавшей к себе и заинтересовывавшей в политической централизации широкие слои дворянства. К этому времени почти в каждой деревне различные земельные участки принадлежали крестьянам разных сеньоров, живших в разных районах страны, а границы их владений порой делили пополам даже отдельные двory. Само понятие «фьеф» отделилось от земельной собственности, и в лен давались сплошь и рядом отдельные подати или доходные статьи с различных держаний. На всю эту пестроту держаний накладывались еще ростовщические сверхцензы и ипотеки, что делало затруднительным регулярное поступление ренты без наличия централизованной и сильной государственной власти, ее судебно-административных органов.

В том же направлении, еще на уровне докапиталистического развития, на характер политической надстройки воздействовали товарно-рыночные связи. В их стабильности чем дальше, тем больше оказывались заинтересованными все сословия феодального общества, в том числе и дворяне, которые в противном случае не могли рассчитывать

¹⁴ См. С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 98—99; L. Verriest. Feodalité en Hainot. Gembloux. 1948, pp. 28—36, 56, 134.

на поступление ренты в ее денежной форме, которая в большинстве западноевропейских государств в XV в. заняла уже прочное, а в ряде стран господствующее положение. Развитие товарно-денежных отношений имело и другие важные последствия. От получателей феодальной ренты ускользала все увеличивавшаяся по своему объему часть «национального дохода». Проблема покрытия расходов на содержание наемной армии и бюрократии уже с конца XIII в. приобрела первостепенное значение для европейских централизованных держав. Мерой, обеспечивавшей покрытие этих расходов, стали непрерывно возрастающие государственные налоги, львиную долю которых пожирало то же самое дворянство, составлявшее костяк королевской армии, государственной администрации и придворной челяди. А выколотить налоги с крестьян и городов могла лишь сильная государственная власть. Таким образом, и без капитализма, буржуазии и вытекающих из их наличия последствий в жизни средневековых государств были серьезные экономические факторы, толкавшие политическое развитие к государственной централизации, к укреплению королевской власти.

Развитие городов, товарного хозяйства, внутреннего рынка сопровождалось усложнением расстановки классовых и политических сил. Усложнялась и обострялась борьба и внутри класса феодалов, одна часть которого приспособлялась к новым условиям, другая же искала выхода в актах феодального произвола, а то и прямого грабежа на проезжих дорогах, противопоставляя себя интересам всего общества. Для укрепления своих позиций королевская власть вступала в политический союз с бюргерством, выражением чего было складывание централизованных национальных государств, обычно в форме сословных монархий. Тем не менее классовой базой централизованных монархий средневековья было среднее и мелкое дворянство. Поэтому вопрос о том, что собой представляли эти слои дворянства в той или иной стране, какое место занимали они в общественном производстве, какой характер поземельных отношений олицетворяли, в каком направлении и с перевесом каких сил развивались внутренние противоречия между различными группировками господствующего класса, имел немаловажное значение для выяснения тех форм, в которых воплощалось классовое господство феодального дворянства.

Во Франции (только что вышедшей из 100-летней войны и внутренних конфликтов, не раз ставивших под угрозу ее государственное существование), где указанные экономические и социальные явления получили всестороннее развитие еще до формирования абсолютизма в собственном смысле слова, королевская власть уже получила известную долю самостоятельности постольку, поскольку она защищала экономические интересы дворянства, а недостающую часть его феодальных доходов восполняла за счет внешней агрессии (итальянские войны и т. п.). Но как только она эти свои функции переставала выполнять, дворянство поднимало гражданскую войну под лозунгом «общественного блага», за которым в действительности скрывалось благо феодалов. Хотя уже в XVI в. королевская власть во Франции пользовалась большим авторитетом¹⁵, из-за чего и борьба партий сплошь и рядом превращалась в свособразную «охоту за королем», это не снимает вопроса о том, была ли она уже абсолютной и почему нередко теряла поддержку своего союзника — городов. Абсолютной она, видимо, становится лишь примерно с первой трети XVII в., освобождаясь от дворянского контроля, рецидив которого в середине XVII в. уже не воспринимался всерьез современниками, назвавшими дворянский бунт игрой (фрондой)¹⁶.

¹⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 18, стр. 177.

¹⁶ См. А. Д. Люблинская. Французский абсолютизм в первой трети XVII в., стр. 4.

Специфику Англии составляло более быстрое, чем во Франции, экономическое развитие и усиливавшееся обуржуазивание мелкого и среднего дворянства. Это размывало дворянскую базу и подготавливало тот политический союз «нового дворянства» и буржуазии, который оказался роковым для судеб династии Стюартов и феодальной аристократии. Отличало английский абсолютизм и регулярное функционирование парламента, не терявшего своего значения в политической жизни страны. Особое стратегическое, островное, положение Англии, почти неуязвимой для военной агрессии извне, также надо принимать во внимание при характеристике английского абсолютизма и выяснении вопроса о том, почему там слабее по сравнению с Францией была выражена роль постоянных налогов, а большой постоянной армии не существовало.

Итальянская тирания была явлением, возникшим в условиях феодальной раздробленности и партикуляризма. Соотношение этой формы политической надстройки с абсолютизмом представляется пока еще неясным, требующим исследования как в плане рассмотрения тирании в качестве специфически итальянской формы «карликового» абсолютизма, так и в плане скептическом: может ли она вообще считаться органической частью проблемы абсолютизма или же представляет собой особое историческое явление.

Уже в Англии мы обнаруживаем наряду с внутренними факторами и внешние, оказывавшие влияние на формы генезиса абсолютизма. Они входили в общий комплекс этой проблемы в целом. В еще большей мере роль внешних факторов в становлении абсолютистских форм правления прослеживается в Испании и некоторых странах Центральной и Восточной Европы. В Испании экономические явления, связанные с развитием товарно-денежного хозяйства, принимали гораздо менее ярко выраженную форму, а зачатки капиталистических отношений были куда слабее, чем в Англии или во Франции. Испанское дворянство широко пользовалось разного рода баналитетами и создало совершенно особую, феодально-монопольную по своей сути корпорацию — Месту, перегонные стада которой, двигаясь по стране, как саранча, пожирали все на своем пути. Хищническая экономическая и таможенная политика подорвала хозяйство страны и привела уже в конце XVI в. к подавлению и без того хилых побегов капитализма¹⁷. Многочисленное и паразитическое испанское дворянство, поднявшееся на дрожжах реконквисты, не могло прожить в этих условиях только поступлениями с ренты и государственных налогов. Нельзя было выйти из положения и путем установления крепостнических порядков. Вооруженное, участвовавшее в битвах реконквисты кастильское крестьянство (хотя оно и не смогло защитить себя от феодального грабежа и разорения) было неподходящим материалом для осуществления такого варианта феодальной реакции¹⁸. Лишь там, где существовали специфические формы крепостничества (Каталония), оно было сохранено и упрочено. Вскользь касаясь этого вопроса, Ф. Энгельс писал: «Норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это дает всему развитию,— подобно тому как и в Кастилии,— совсем другой фон»¹⁹. Важнейшим источником феодальных доходов испанского дворянства в этих условиях стала военная агрессия: сначала против «арабской опасности», затем в южной части Европы и, наконец, во вновь открытых землях. Поэтому исторически испанское дворянство конституировалось

¹⁷ Э. Э. Литаврина. Проблема экономического упадка Испании в XVI — начале XVII в. по сочинениям испанских экономистов. Автореферат кандидатской диссертации. М. 1964.

¹⁸ С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе, стр. 117.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 352.

как своего рода военно-феодалная каста, составлявшая целые крупные тактические подразделения испанской армии. В связи с меньшей (по сравнению с Францией) развитостью в Испании товарно-денежно-го хозяйства армия и бюрократия не могли содержаться за счет внутреннего налогообложения и существовали сначала за счет ресурсов порабощенных Нидерландов, Неаполитанского королевства, а затем за счет сокровищ, поступающих из колоний и использовавшихся почти целиком на непроизводительные расходы. В этой своей военной функции испанская монархия оказывалась теснейшим образом связанной с системой европейских государств, сложившейся в течение XVI—XVII вв., в которой ведущее место принадлежало абсолютистским монархиям. Для реакционной феодальной Испании, подавлявшей внутри страны силы экономического и социального прогресса, такого рода «деспотический абсолютизм» был адекватной формой государства, позволявшей при всей ее отсталости осуществлять грабительскую, завоевательную политику, которая до поры до времени укрепляла как внешний, так и внутренний престиж монархии.

Насильственно-грабительские функции испанской монархии, таким образом, полностью преобладали над элементами прогрессивными, присутствующими в известной мере абсолютизму в собственном смысле слова на восходящей стадии его развития. В своей политической и экономической структуре Испания XVI—XVII вв. оставалась в ряде отношений механическим объединением прежде самостоятельных государств без прочного национального внутреннего рынка. В то же время монархия приобрела такую силу и располагала известной свободой действия в отношении господствующего класса именно потому, что она наиболее последовательно и полно осуществляла его волю как класса в целом. Этим же способом искусно маскировался (как ни парадоксально это звучит) ее классовый характер в глазах угнетенных масс и в первую очередь крестьянства, воспринимавшего абсолютность королевской власти как показатель ее «надклассовости». К абсолютизму же в собственном смысле слова, как форме государства, возникшего в условиях антагонизма между феодальным дворянством и буржуазией, испанская монархия XVI—XVII вв. имела весьма отдаленное отношение²⁰. Слабые зачатки буржуазии почти полностью были подавлены уже в конце XVI века.

Весьма важными по своему историческому значению являются вопросы, связанные с генезисом, сущностью и государственно-правовой природой абсолютистских форм правления, сложившихся в таких государствах Центральной и Восточной Европы, как Австрия, Пруссия и Россия. Успехи государственной централизации в Австрии, регионально-княжеской в различных областях Германии и особенно в Пруссии, а затем и складывание в них абсолютистских форм правления меньше всего были связаны с развитием внутри этих государств антагонизма между феодальным дворянством и городами или буржуазией. Доминирующим направлением их социально-экономического развития была феодальная реакция, «второе издание крепостничества», прозябание немецкого и австрийского бюргерства, пресмыкавшегося перед феодально-юнкерской кастой²¹. Для Австрии и Пруссии моментом, ускорившим установление абсолютистского строя, а в начальный период, возмож-

²⁰ Понимание этого факта отражено и в современной историографии социалистических стран. См., например: T. Wittman. A spanyol absolutismus néhanynonása a XVI. században. «Acta universitatis Szegediensis de Attila József nominatae». Acta Historica. T. XV. Szeged. 1964. Автор предлагает пересмотреть характеристику испанского абсолютизма, данную К. Марксом, и рассматривать испанскую монархию XVI в. как «средиземноморский абсолютизм» в противоположность «абсолютизму западному и восточному». Но такое решение вопроса, а особенно критика марксовской концепции испанского абсолютизма не могут быть приняты без оговорок.

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 306—307.

но, и определившим, были внешнеполитические факторы: неудача общеимперской централизаторской политики Габсбургов; плачевный для габсбургской коалиции, особенно для Германии, исход 30-летней войны, победителями в которой были мощные абсолютистские государства — Франция, поднимавшаяся Швеция, буржуазная республика Соединенных провинций; общее направление эволюции системы европейских государств. В этих условиях отстоять и укрепить самостоятельное государственное существование Австрия и Пруссия могли лишь, вводя у себя абсолютистские порядки, на форму которых здесь оказало существенное влияние «второе издание крепостничества». Этого идеала крестьянской эксплуатации австро-пруссике феодалы, как подчеркивал Ф. Энгельс, достигли, однако, уже «в период разложения феодального хозяйства»²² в рамках общеевропейского развития. И так как абсолютистские формы правления не вытекали здесь логически из прогрессивного социально-экономического развития, как во Франции или Англии, прививались еще не созревшему для этого общественному организму, они приобрели черты особенно грубого деспотизма.

С абсолютистским строем государства, сходным по своему типу с испанской монархией XVI — XVII вв., прусской и австрийской XVII — XVIII вв., но специфическим в ряде частных аспектов мы сталкиваемся в России того же хронологического периода. Факт возникновения во второй половине XVI в. внешне неограниченной власти царя несомненен. Объяснить его как явление, связанное с превращением царской власти в абсолютную на основе равновесия борющихся сил в лице русского феодального дворянства и развивающейся буржуазии²³, вряд ли возможно. Не более плодотворна попытка вывести это явление из простого усиления классовой борьбы крестьянства хотя бы потому, что само такое усиление, если оно и было, должно иметь свою причину. Ранее преобладавшая среди историков СССР концепция о внешней военной опасности, как доминирующем факторе в деле возникновения централизованного, а затем и абсолютистского государства, в последнее время отвергается как порожденная догматическими извращениями и противоречащая фактам, поскольку абсолютизм в России существовал и тогда, когда опасность татарских нашествий миновала²⁴. К анализу первого положения этой концепции мы еще вернемся при рассмотрении некоторых теоретических выводов основоположников марксизма-ленинизма по этим вопросам. Второе же положение содержит внутреннее логическое противоречие, неправомерно объединяя вопросы о генезисе явления и его последующем развитии — разных категориях, связанных с проявлением различных закономерностей и причинных связей.

Если ограничиться ранним периодом генезиса русского абсолютизма, то не подлежит сомнению, что угроза со стороны татар, Польши и Литвы²⁵ оставалась реальной. Она была не только стимулом, но и одним из главных препятствий к территориальному объединению и завершению политической централизации Русского государства, поскольку имело место их вмешательство во внутривнутриполитическую его жизнь. Ликвидация этой угрозы была задачей номер один, а сокрушение Казанского и Астраханского царств явилось триумфом Ивана Грозного, способствовавшим укреплению его деспотического единовластия. С проблемой устранения внешней угрозы и завершения централизации была

²² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 248.

²³ Такой вывод напрашивается, например, при ознакомлении с книгой: Д. П. Мавковский. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве русского государства в XVI веке. Смоленск. 1963, стр. 488—506.

²⁴ В обобщенной форме постановку вопроса об условиях возникновения и сущности русского абсолютизма см.: «Переход от феодализма к капитализму в России». М. 1965, стр. 139—140.

²⁵ См. «История дипломатии». Т. I, стр. 261.

тесно связана борьба внутри господствующего класса феодалов, принявшая столь острые формы во второй половине XVI века. Выдвижение на первый план служилого дворянства, превращение его в оплот «царева войска» и формирующейся новой приказной администрации²⁶, оттеснение и физическое истребление той части родовитого боярства, которое олицетворяло силы феодального сепаратизма, дробление его земельных владений между служилым дворянством, опричина — общеизвестные факты из истории этого времени. Сюда же относится и борьба с местничеством и системой кормлений. Огромные затраты на создание и содержание войска, возникновение в лице стрельцов и артиллерийских частей его постоянного ядра, рост управленческих расходов ставили со всей остротой финансовый вопрос. И здесь сказалась неразвитость русской экономики, не позволявшая покрывать потребности казны путем денежного налогообложения, как во Франции, или за счет резерва драгоценных металлов, как в Испании. Отсюда преобладание вплоть до XVII в. натурального момента в содержании дворянской армии, управленческого аппарата²⁷ и т. д. Отсюда же перенос центра тяжести с вотчинного на поместное землевладение, а внутри поместья на расширение барской запашки, усиление барщины и личной зависимости крестьянства. С этих пор и до реформы 1861 г. крепостная рекрутчина и дворянская служба были основой, на которой создавалось и развивалось «царево войско». Таким образом, русское служилое дворянство (и формировавшаяся из него сначала приказная, а в XVIII в. чиновная бюрократия) конституировалось в конечном счете как дворянство крепостническое, занимающее совершенно иное общественное место в процессе хозяйственного развития, чем дворянство французское, английское или даже кастильское.

Боярское хозяйство XVI—XVII вв., более крепкое экономически, располагавшее большими возможностями для переманивания крестьян, в ряде случаев давало больший простор товарности крестьянского хозяйства и относительно меньше было заинтересовано в установлении жестких крепостнических порядков. Но в хозяйствах боярских крестьян товарные отношения не затрагивали натуральных основ воспроизводства, оставляя их однотипными с хозяйствами дворянских крестьян. Поэтому конституирование крепостничества, утверждение отработочной формы ренты не были сопряжены с серьезным экономическим переворотом. И нет оснований видеть в родовитом боярстве XVI—XVII вв. «прогрессивную силу» с этих позиций борющуюся против укреплявшегося самодержавия. Абсолютистские порядки в России, как почти повсеместно, укреплялись постепенно, с перерывами и отступлениями. Но есть основания первые их элементы связывать с царствованием Ивана Грозного. Появление их было ускорено как внешними факторами, так и острым конфликтом внутри господствующего класса²⁸. Именно в это время небывало усиливается личная власть царя²⁹, на первое место выдвигается крепостническое по тенденциям своего развития, служилое дворянство, появляются первые зародыши постоянного войска, приказной центральной и местной служилой бюрократии, обнаруживается

²⁶ См. А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М. 1960, стр. 181, 447—449, 458, 471; его же. Опричина Ивана Грозного. М. 1964, стр. 355—357, 361—376.

²⁷ См. А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 175—181, 189—193, 198—206, 346, 397, 422, 423, 447—449; его же. Опричина Ивана Грозного, стр. 383—386; Н. Ф. Демидова. Бюрократизация государственного аппарата абсолютизма в XVII—XVIII вв. «Абсолютизм в России». Сборник статей. М. 1964, стр. 218—220.

²⁸ Этот же фактор сыграл свою роль в Англии в период войн Алой и Белой Роз. При поздних, бонапартистских формах абсолютизма на первый план выдвигается уже антагонизм между пролетариатом и буржуазией.

²⁹ В это время формула «в этом государь волен» приобретала все больше и больше официальное звучание, а по делам войны и мира решающее слово принадлежало «государю всея Руси» (см. А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 361, 368).

стремление царя подчинить себе церковь с помощью самых свирепых, деспотических мер³⁰.

В последующий период непереносимое выполнение требований служилого люда и дворянства было связано с усилением крепостничества. Закрепостить русское крестьянство, рассеянное на бесконечных пространствах, имевшее возможности внутренней колонизации и побега в бескрайние пограничные области, могло, однако, лишь государство, обладавшее деспотической властью. И конституировался такой абсолютистский строй с самого своего зарождения как крепостнический³¹. Постепенно фактор внешней опасности терял свое значение, а само Русское государство перешло к актам агрессии, иллюстрируя правильность той мысли К. Маркса, что завоеватель с каждой областью «завоевывает лишь новую границу»³². С течением времени зачатки абсолютистского строя времен Ивана Грозного отлились в стройную систему той дворянско-бюрократической империи, которая нашла свое законодательное оформление при Петре I и его преемниках³³. В XVIII в. завершается и переход Русского государства с положения дальней периферии европейской системы государств на статус органической составной ее части. Для России, так же как для Австрии и Пруссии, характерно складывание абсолютизма не на почве буржуазного развития, а на почве крепостничества, насаждение в известной мере лишь внешних атрибутов абсолютистских порядков, приспособленных к местным потребностям, хотя бы прообразом для них служили порою теория и практика европейского, в частности французского абсолютизма³⁴.

Такова в самых общих чертах фактическая основа процесса генезиса абсолютизма, исходя из которой можно обратиться к теоретической постановке проблемы у основоположников марксизма-ленинизма. Что касается стран Западной Европы, то необходимо остановиться по крайней мере на четырех вопросах: 1) хронологическая грань возникновения абсолютизма; 2) место внешнего, в частности, военно-политического фактора в формировании централизованных и абсолютистских государств; 3) роль средневековых горожан в процессе складывания абсолютизма; 4) характеристика испанского абсолютизма в работах К. Маркса и русского — в трудах В. И. Ленина. Ранее уже приводилось определение Ф. Энгельсом сущности и времени возникновения абсолютизма в Европе, где французскому абсолютизму отводится вполне определенный период — XVII — XVIII века. Если мы обратимся к положениям К. Маркса, то следует напомнить, что он говорил о возникновении абсолютной монархии в результате взаимного ослабления борющихся антагонистических сил — аристократии и средневековых городов, или средневекового сословия горожан, формирующегося в современный класс буржуазии³⁵. Антагонизм между феодальным дворянством и буржуазией, как таковой, в качестве базы возникновения абсолютизма представляется в свете этих формулировок уже категорией последующего развития, а не раннего периода генезиса. Само же последующее развитие, как показывает исторический опыт, может приобрести как динамическую, так и застойную форму или привести к самым различным результатам на данном отрезке времени в

³⁰ На ранней ступени генезиса абсолютизма последний повсеместно воспринимался как деспотический произвол, и, подобно Ивану Грозному, Людовик XI во Франции и Генрих VIII в Англии вошли в историю как «отвратительные деспоты».

³¹ См. Л. В. Данилова. К проблеме типа феодальных отношений в России. «Тезисы докладов и сообщений восьмой (Московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы». М. 1965, стр. 35—36.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 144.

³³ См. Н. Ф. Демидова. Указ. соч., стр. 222—223.

³⁴ См. Н. И. Павленко. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. «Абсолютизм в России», стр. 396—401.

³⁵ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 431; т. 4, стр. 306.

зависимости от общего хода исторического процесса в каждой отдельной стране. Учитывая все изложенные выше обстоятельства, вряд ли можно при характеристике абсолютизма брать за основу государственно-правовой аспект — вопрос о том, в каком отношении аппарат принуждения при абсолютизме стоит к самому господствующему классу, как это в одном случае предлагал С. Д. Сказкин. И, наоборот, последний совершенно прав, когда подчеркивает необходимость при анализе абсолютизма учитывать всю сложность социально-экономических и политических условий, столь типичных для периода позднего средневековья³⁶.

Не совсем выяснена и роль внешнеполитического, в частности, военного фактора в возникновении централизованных государств с абсолютистскими формами правления. Это не просто формулировка, заимствованная из работы И. В. Сталина «Марксизм и национальный вопрос». Ф. Энгельс уделял этому фактору значительное внимание, занимаясь историей крестьянской войны 1525 г. в Германии, в которой вопрос о государственной централизации Германии имел существенное значение. Он писал: «Решающим явилось то, что в Германии, раздробленной на провинции и *избавленной на длительный срок от вторжений*, не ощущалось вследствие этого такой сильной потребности в национальном единстве, как во Франции (Столетняя война), в Испании, которая только что была отвоевана у мавров, в России, недавно изгнавшей татар, в Англии (война Роз); решающим было также и то, что императоры как раз в это время были в таком жалком положении»³⁷. Конечно, отсюда не следует делать вывод, что именно внешнеполитический фактор или война являются причиной образования централизованного и тем более абсолютистского государства. Но тот факт, что военная угроза или внутренняя гражданская война, ставившая под вопрос само существование государства, на определенном этапе играет роль катализатора, ускоряющего процесс перерастания централизованного государства в абсолютную монархию, вряд ли может быть просто снят с рассмотрения ссылкой на ошибки, связанные с культом личности Сталина.

Характеристики абсолютистских форм правления в Испании и России в работах К. Маркса и В. И. Ленина также дают повод для серьезных размышлений. К. Маркс, анализируя природу абсолютизма, констатировал, что абсолютная монархия возникла в Европе «в связи с ослаблением враждовавших между собой феодальных классов: аристократии и горожан», а возникнув, она «покровительствовала торговле и промышленности, одновременно поощряя тем самым возвышение класса буржуазии, и видела в них необходимые условия как национальной мощи, так и собственного величия». Сравнивая испанский абсолютизм с этим «эталонном», К. Маркс пришел к выводу о принципиальном его отличии от абсолютизма французского и английского периода их развития по восходящей линии. Он подчеркивал, что «в Испании аристократия приходила в упадок, сохраняя свои худшие привилегии, а города утрачивали свою средневековую власть, не приобретая значения, присущего современным городам»³⁸. Поэтому абсолютизм, вырос-

³⁶ С. Д. Сказкин. Проблема абсолютизма в Западной Европе, стр. 8—9, 12, 14.

³⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 418. В ином тоне интерпретирует эту проблему Б. Ф. Поршнев: «...Историкку непростительно и нелепо определять свое отношение, скажем, к русской монархии XV—XVI вв. тем, что она боролась против татарского ига и возникла на его развалинах,— ведь в других конкретно-исторических условиях сходную роль выполняла и республика. Очевидно, такой историк или не способен подняться от данного частного исторического случая до какого-либо обобщения, или же руководствуется монархическим обобщением — недоказуемым представлением, что монархия является наиболее «сильным» государством, наиболее способным обеспечить независимость, порядок и т. п.» (Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы, стр. 323—324).

³⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 431, 432; т. 4, стр. 308;

ший на их антагонизме, не был абсолютизмом в собственном смысле слова. «Абсолютная монархия не только нашла в Испании материал,— писал К. Маркс,— по самой своей природе не поддающийся централизации, но она сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить возникновения общих интересов, обусловленных разделением труда в национальном масштабе и многообразием внутреннего обмена, которые и являются единственно возможной основой для установления единообразной системы управления и общего законодательства. Таким образом, абсолютная монархия в Испании, имеющая лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы вообще, должна скорее быть отнесена к азиатским формам правления»³⁹.

К аналогичным по своему теоретическому содержанию выводам пришел и В. И. Ленин, анализируя классовую природу русского самодержавия, которое он рассматривал не просто как политический результат борьбы дворянства и средневековых горожан, а как конкретно-историческое явление, изменяющееся в зависимости от соотношения классовых сил и общего хода социально-экономического развития страны. «Русское самодержавие XVII века с боярской Думой и боярской аристократией,— писал В. И. Ленин,— не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма» и от обеих форм резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освободить крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя». В другой работе, рассматривая вопрос о социальной сущности русского самодержавия дореформенного периода, В. И. Ленин характеризовал его как «крепостническое самодержавие»⁴⁰.

Подведем некоторые итоги. Прежде всего необходимо отметить, что возникновение централизованного национального, а затем и абсолютистского государства было крупным историческим событием, знаменующим определенный этап развития базиса феодального общества, нуждавшегося в увенчании его соответствующей формой политической надстройки. Поэтому проблема абсолютизма должна исследоваться комплексно, а не путем выделения одной из ее сторон и придания ей значения универсального ключа, с помощью которого открываются все замки исторических тайников. Такой метод исследования может привести к схематизму. В этой связи уместно вспомнить, как К. Маркс отвечал на вопрос о том, что такое буржуазная собственность. Он писал: «Определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства»⁴¹. Такой же исследовательский подход, рассмотрение всего комплекса вопросов экономической, социальной, политической жизни и системы международных отношений позднефеодального общества необходимы и при изучении проблемы генезиса и сущности абсолютизма.

Тенденция к перерастанию в абсолютизм была заложена уже в социально-экономическом и политическом строе сословной монархии периода развитого феодализма, но ее конституирование в абсолютистские формы государства, исход борьбы двух сословий — феодального дворянства и средневековых горожан — не были фатально predetermined. Они могли быть различными по существу, хотя и близкими по форме, как это видно на примерах Англии, Франции, Испании, Австрии, Пруссии и России. Это зависело, в частности, от процесса национальной консолидации и складывания централизованного национального госу-

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 10, стр. 432.

⁴⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 17, стр. 325, 346.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4, стр. 168.

дарства, характера взаимоотношений королевской власти с существовавшими учреждениями сословного представительства, наконец, от всей суммы явлений, связанных с начавшимся разложением феодальных отношений. На это указывал Ф. Энгельс: «Разложение феодализма, а также развитие городов — оба [процесса] вызывали децентрализацию, отсюда возникла прямая необходимость в абсолютной монархии как в силе, скрепляющей национальности. Она *должна была* быть абсолютной, именно вследствие центробежного характера всех элементов. Но ее абсолютистский характер нужно понимать не в вульгарном смысле; [она развивалась] в постоянной борьбе то с сословным представительством, то с мятежными феодалами и городами»⁴².

Хотя абсолютистская монархия возникла на той стадии, когда сословие средневековых горожан начинало разлагаться, эволюционируя в буржуазном направлении, она оставалась феодальным государством во всех своих модификациях. Характеризуя экономические и социальные сдвиги, происходившие в западноевропейских странах в период позднего феодализма, Ф. Энгельс писал: «Государственный строй оставался феодальным, тогда как общество становилось все более и более буржуазным»⁴³. Абсолютизм не был неизменной и неподвижной формой политической надстройки. При его историческом рассмотрении следует различать три основных этапа: генезис, восходящую линию развития абсолютизма в собственном смысле слова и его нисходящую линию, а также такую его специфическую форму, как бонапартизм. Несмотря на общие свойства, каждый из этих этапов имеет и присущие только ему особые закономерности и причинные связи. Важно подвергнуть детальному рассмотрению процесс генезиса абсолютизма как в целом, так и для каждой отдельной страны, ибо именно здесь закладывалось то направление, в котором пойдет дальнейшее развитие, формировался тот или иной тип абсолютной монархии. Хотя тенденция к капиталистическому развитию и теоретически и фактически составляет ядро проблемы абсолютизма, практически в отдельно взятых странах она может проявляться (в процессе их внутреннего развития) в различных дозах, варьируя от более или менее существенной величины до величины, близкой к нулю, в зависимости от того, выступает ли в той или иной стране в качестве антагониста феодального дворянства буржуазия в собственном смысле слова, развивающееся в буржуазию средневековое бюргерство или просто последнее.

Разумеется, однако, что та или иная степень развитости социальных отношений затрагивает, в свою очередь, целый комплекс вопросов, которые должны быть учтены во всех основных аспектах, включая общее направление исторического процесса и социально-экономического развития той или иной страны в рассматриваемый период; определяемые ими соотношение и расстановку классовых сил; социальный облик дворянства; исход крупных классовых битв или открытой политической борьбы, если эти явления предшествовали генезису абсолютизма или сопровождали его; положение королевской власти и направление эволюции государственных учреждений. В этот комплекс входят и внешние факторы, как являвшиеся следствием возникновения системы государств в условиях прогрессирующего буржуазного развития и разложе-

⁴² «Архив Маркса и Энгельса». Т. X, стр. 356. По-инному, исключая саму возможность такой постановки вопроса, высказывается Б. Ф. Поршнев: «Запугивание читателей феодально-сепаратистской угрозой монархиям родилось под пером тех историков, которые идеализировали монархию, видя в ней силу антифеодальную, «национальную», «народную» или же буржуазную. В действительности, как сказано, вопрос о преодолении феодальной раздробленности, т. е. политическом объединении страны, и вопрос о монархическом устройстве государственной власти в объединенной стране — два разных вопроса» (Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы, стр. 324).

⁴³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 106.

ния феодализма, так и военно-политические, оказывавшие влияние на процесс складывания абсолютизма в отдельно взятой стране в том или ином направлении. Совокупность этих факторов в конечном счете и определяла, какой тип абсолютистского государства сложится в каждой отдельно взятой стране в изучаемый период — абсолютизм в собственном смысле слова (англо-французский вариант) или абсолютистские формы правления (австро-пруско-русский вариант). Испанский вариант может рассматриваться либо как разновидность второго типа, либо как промежуточный. В этих направлениях и представляется целесообразным вести конкретные исследования и их обобщение по проблемам генезиса абсолютизма.

Разнообразие форм надстройки было заложено в самом базисе. «Один и тот же экономический базис,— писал К. Маркс,— один и тот же со стороны основных условий — благодаря бесконечно разнообразным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»⁴⁴. Несомненно, что применительно к категориям надстроечного характера при всей их инертности этот вывод К. Маркса также справедлив. В общем плане этап генезиса абсолютизма, его первоначальные формы могут рассматриваться как самостоятельное промежуточное или переходное звено к одному из двух основных типов абсолютной монархии, о которых говорилось выше. В тех странах, где историческое развитие шло к установлению абсолютизма в собственном смысле слова, «в течение всей этой борьбы,— писал Ф. Энгельс,— полигическое насилие было на стороне дворянства, за исключением одного периода, когда королевская власть в своей борьбе с дворянством пользовалась буржуазией, чтобы сдерживать одно сословие с помощью другого»⁴⁵. После его возникновения экономические (система меркантилизма и т. д.), а в какой-то мере и политические условия существования и борьбы буржуазии против феодального дворянства временно изменяются в пользу первой. И, по-видимому, лишь такой ситуации соответствует характеристика, данная Ф. Энгельсом французской абсолютной монархии XVII — первой половины XVIII в., приведенная в начале настоящей статьи.

Иная ситуация характерна для случаев, когда общий ход исторического развития той или иной страны складывался не в пользу буржуазии и возникновения абсолютизма в собственном смысле слова, а вмешательство внешнего фактора еще больше деформировало этот процесс, ускоряя лишь одну его сторону — складывание абсолютистских форм государственного устройства. Здесь следует подробнее остановиться на характере влияния внешнеполитического фактора. Возникновение системы государств отражало глобальность процесса генезиса и развития капитализма, а также и глобальность создаваемых им конфликтов, выходявших чем дальше, тем больше за пределы государственных границ и грозивших устоям европейского феодализма в целом. Складывание мирового рынка, связанная с ним серия «торговых войн», колониальная политика европейских держав, изменения во всей сфере международных отношений, отражавшие в той или иной мере новые явления, объективно заключали в себе тенденции к разложению феодализма в Европе в целом. Последние приобрели форму открытой угрозы феодализму с первыми громовыми раскатами ранних буржуазных революций. В этих условиях с середины XVI в. феодальная реакция обеспечивала защиту феодальных устоев, в частности, и тем, что приспособляла к своим потребностям арсенал средств, созданных подни-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. II, стр. 354.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 20, стр. 168.

мающимся капитализмом. Так, развитие международной хлебной торговли обернулось для стран Восточной и Центральной Европы захватом ее местными феодалами и «вторым изданием крепостничества». Структура капиталистической мануфактуры реципировалась крепостниками-помещиками этих стран в различных формах крепостнической мануфактуры — поместной, посессионной и т. д. Буржуазно-бюргерская по своей природе лютеранская и кальвинистская реформация была использована во Франции, Германии, Венгрии феодальным дворянством этих стран как идеологическое знамя в борьбе против укреплявшегося абсолютизма. В этом же плане можно оценивать и рецепцию абсолютистских порядков странами Восточной и Центральной Европы, где их насаждение на не подготовленную спонтанным историческим развитием почву выступало в наиболее грубых формах, в виде «насилия над действительностью». В такой по преимуществу «отраженной форме» генезис абсолютизма здесь оказывался связанным с глобальной проблемой генезиса и развития капитализма.

В широком смысле именно генезис капитализма являлся синтезирующей чертой генезиса абсолютной монархии, которая возникает только в переходный от феодализма к капитализму период. Таким синтезирующим моментом не могут считаться крестьянские восстания и классовая борьба крестьянства вообще, хотя она и является фактором первостепенного значения для развития государства феодальной формации в целом, ибо никакая ее интенсивность не может привести к возникновению абсолютизма при отсутствии процесса капиталистического развития. И не случайно основоположники марксизма-ленинизма там, где они специально рассматривали проблему абсолютизма, никогда не связывали ее с крестьянскими восстаниями, но всегда — с генезисом капитализма. Вместе с тем оба основных типа абсолютизма независимо от присущих им различий являются формой политического господства дворян, что и не замедляет обнаружиться. С того момента, как развивавшаяся в рамках абсолютной монархии буржуазия благодаря росту своей экономической силы стала опасной, «королевская власть вновь вступила в союз с дворянством», — писал Ф. Энгельс, — и вызвала этим, сначала в Англии, а потом во Франции, буржуазную революцию»⁴⁶. Здесь имел место такой случай, когда государственной власти пришлось быстро расплачиваться за то, что она «действовала наперекор» экономическому развитию.

Иначе развивались события при другом типе абсолютизма. Абсолютистские формы правления, установившиеся в Испании, Австрии, Пруссии и России, показали себя очень действенными формами политической надстройки. Они оказывали эффективное воздействие на свой базис, приспособлялись к постепенно изменяющимся историческим условиям. Эти государства, несмотря на заторможенность их социально-экономического развития, сохранили независимость. Зато в Испании зачатки капитализма в течение XVI в. гибнут, приносятся в жертву хищной алчности дворянства; в России, Австрии и Пруссии, где таких зачатков в XVI—XVII вв. почти и не было, зарождение и развитие капитализма, общий прогресс веками тормозились и деформировались системой крепостничества и самодержавного деспотизма. Такая форма государства лучше всего соответствовала интересам господствующего класса феодалов-крепостников. Иногда это оспаривается ссылками на пример шляхетско-магнатской Речи Посполитой, которая якобы ничуть не хуже обеспечивала интересы польской крепостнической шляхты. Но именно этот пример является лучшим подтверждением опровергаемого тезиса. Конец шляхетского крепостнического государства известен: в XVIII в.

⁴⁶ Там же.

оно сохраняло самостоятельное существование лишь благодаря противоречиям среди крупных абсолютистских государств — России, Австрии и Пруссии,— и в конце концов было поделено между ними. Зато угнетало оно польских крестьян и подавляло их восстания ничуть не менее успешно, чем абсолютные монархии. Объективной тенденцией развития абсолютистских государств второго типа по мере их втягивания в капиталистическое развитие была эволюция к абсолютизму в собственном смысле слова, к его позднейшей разновидности — бонапартизму, а затем к буржуазной конституционной монархии. Только процесс этот растянулся на столетия и сопровождался особенно большими тяготами прежде и больше всего для народных масс. Подобный комплексный подход к исследованию абсолютизма, присущий марксистской исторической науке, выгодно отличается от концепций буржуазной историографии, в которых преобладает узкий, чисто государственно-правовой метод исследования.

Теперь можно возвратиться к определению европейского абсолютизма. В самой общей форме, характеризующей его основные типы, оно может быть сформулировано так: абсолютизм есть политическая надстройка позднего феодализма, переходного периода, когда феодальная формация начинает разлагаться под влиянием развивающихся буржуазных отношений. Власть монарха в этих условиях становится более или менее неограниченной (абсолютной) и приобретает известную самостоятельность действий по отношению к господствующему классу феодалов или обоим борющимся классам (феодалам и буржуазии в широком смысле слова) в целом. Абсолютный монарх опирается на постоянную армию, подвластный ему лично управленческий аппарат (бюрократию), систему постоянных налогов и подчиняет целям своей политики церковь. Первому типу абсолютизма (англо-французскому) полностью соответствует дефиниция, которая была приведена в начале настоящей статьи с тем уточнением, что термин «буржуазия» понимается в широком смысле слова, включая и средневековых горожан. Второй тип абсолютизма, периода его генезиса в странах Восточной Европы и Испании, возникает не из спонтанного буржуазного их развития, а насаждается господствующим классом феодалов при полном отсутствии или крайне слабом развитии элементов капитализма, при одновременно сохранении или насаждении крепостничества и других наиболее грубых форм эксплуатации феодально зависимого крестьянства. Внутренним фактором укрепления абсолютизма второго типа является особая расстановка сил в самом господствующем классе феодалов в условиях утверждающегося крепостничества; внешним фактором, ускоряющим процесс, выступают возникновение капитализма как системы и связанной с ним общеевропейской системы государств с абсолютистскими или буржуазными формами надстройки, военно-политическая обстановка. Структура государственных учреждений в таком случае нередко реципируется с западноевропейских образцов, но она наполняется крепостническим содержанием и служит целям защиты крепостнических порядков от разлагающего влияния и прямой агрессии развивающегося капитализма. Этот тип абсолютизма в отличие от первого, пользуясь ленинским определением, можно назвать крепостническим абсолютизмом.

Разумеется, эти выводы могут рассматриваться лишь как предварительные, нуждающиеся в проверке путем дискуссии и специальных исследований, в итоге которых они могут быть подтверждены или опровергнуты. Ключ к пониманию проблемы абсолютизма лежит, видимо, не в создании односторонней универсальной формулы, приложимой к любым случаям, а в выработке комплексной концепции с известной дифференциацией и усложнением критериев и дефиниций.